

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ В ТОКИО И ИОКОГАМЕ И СУДЬБА РУССКОЙ ДИАСПОРЫ

Петр Эдуардович ПОДАЛКО,
магистр искусств, Осацкий университет (Япония)

Одна из величайших катастроф XX в.

Количество всевозможных катаклизмов как природных, так и «рукотворных», потрясавших человечество на протяжении последнего столетия, едва ли поддается точному подсчету. Страшные наводнения и тайфуны, крушения на транспорте и аварии на атомных электростанциях — порой начинает казаться, что нет такой части суши, где бы минувший век не оставил своих саднящих зарубок. Но и здесь можно выделить страны, по отношению к которым судьба иной раз казалась настроенной особенно неблагоприятно, и среди них особое место занимает Япония. Ежегодно тайфуны и землетрясения наносят огромный ущерб народному хозяйству, заставляя население этой страны постоянно сохранять «повышенную боеготовность» на случай очередного природного «сюрприза». Всего шесть лет прошло с того дня — 17 января 1995 г., когда подземные толчки силой более семи баллов разрушили город Кобе, один из наиболее ярких и динамичных промышленных и культурных центров, формирующих облик современной Японии, японское «окно в мир»; при этом погибли более 6 тыс. жителей. Но и приведенная цифра меркнет перед масштабом трагедии, которая разыгралась на Японских островах осенью 1923 г.

1 сентября 1923 г. разрушительное землетрясение на востоке страны, в районе Канто¹, практически полностью уничтожило ряд городов и поселков, включая столицу Токио и крупнейший порт Японии Иокогама, унеся при этом жизни более 100 тыс. чел. (всего погибших, раненых и пропавших без вести насчитывалось около 130000 чел., 570000 семей остались без жилья, общий ущерб составил порядка 6500 млн. иен в ценах 1923 г., что равнялось 10—11 % общего благосостояния тогдашней Японской империи)².

Шок, вызванный колоссальными размерами постигшего Японию стихийного бедствия, был так велик, что первое время газеты всего мира пестрели удручающими сводками, точно состязаясь друг с другом в стремлении преувеличить размеры катастрофы. Говорилось «об исчезновении с лица земли не только городов, но целых территорий ...о гибели всего золотого запаса, флота и так далее». Делались даже прогнозы относительно того, что отныне «Япония на долгий срок будет низведена в ряды второклассной или даже третьеклассной державы»³. Действительно, потери, и в первую очередь людские, были огромны, несравнимы ни с чем подобным в современной мировой истории. Страна как будто пережила небольшую войну, сопровождаемую бомбардировкой всего столичного округа. Но, как отмечал русский ученый-востоковед

Д.М. Позднеев в цитированной выше книге о Японии, опубликованной в Москве через год после землетрясения, уже в январе 1924 г. газета «Осака Майнити» писала, что спустя 100 дней после великой катастрофы Токио «обнаруживает уже признаки возрождения во всех областях», что внушает большую бодрость. «Пройдет несколько лет раньше, чем новый Токио возникнет из развалин, но и сейчас уже город дышит возрождающейся деятельностью»⁴.

«Черная суббота»

Среди сохранившихся свидетельств очевидцев этого ужасного бедствия одно из наиболее подробных и документированных принадлежит Д.И. Абрикосову, русскому дипломату, служившему в Российском посольстве в Токио в 1916—1925 гг. (первоначально он состоял в ранге первого секретаря, а с конца 1921 г., в связи с выездом из Японии в Европу посла В.Н.Крупенского, остался в качестве «управляющего посольством» в ранге поверенного в делах, т.е. исполняющим обязанности посла «де-факто» в так называемом «посольстве без правительства»⁵ и в этом качестве принимал самое непосредственное участие в ликвидации последствий катастрофы). В своих мемуарах⁶ Абрикосов подробно описывает как обстановку тех дней в целом, так и всевозможные меры, предпринятые японским правительством и членами международного сообщества для скорейшей ликвидации последствий землетрясения. Кстати, им же приводится интересный факт, подтверждающий общеизвестную истину о том, насколько человек бывает бессилён в попытках состязаться с силами природы или хотя бы стать с ними вровень, опираясь на свой интеллект. Согласно свидетельству Абрикосова буквально за несколько дней до землетрясения некий профессор Ояма, известный специалист-сейсмолог, выступил в Токио с публичной лекцией, в которой говорил о несостоятельности опасений по поводу возможности крупномасштабного землетрясения в столичном регионе в ближайшем будущем. Случившаяся катастрофа так потрясла его, что почтенный профессор заболел и вскоре скончался, не перенеся «потери лица» от совершенной им ошибки⁷. Сам Абрикосов в момент землетрясения находился в горной местности Никко (современная префектура Тотиги; там в довоенный период были сосредоточены загородные резиденции дипломатического корпуса), куда его пригласил провести выходные дни российский военный атташе генерал-майор М.П. Подтягин. В субботу, 1 сентября, Абрикосов и Подтягин, гуляя между знаменитыми храмами Никко, ощутили несколько сильных подземных толчков, но не придали этому особенного значения — подобное происходит в Японии слишком часто, практически ежедневно, и ничего необычного ни тот, ни другой не почувствовали. На следующий же день, как писал впоследствии Абрикосов, он был разбужен рано утром слугой, от которого и узнал, что накануне, примерно в 11.57 утра, три подземных толчка необычайной силы обратили в груды развалин две трети японской столицы. Первые дошедшие оттуда слухи были крайне противоречивы, но все сходились на том, что бедствие приобрело невероятный, ни с чем не сравнимый размах. Как и следовало ожидать, Абрикосов предпринял все возможные меры, чтобы как можно скорее вернуться в Токио, и тут ему помог случай. В Никко в те дни отдыхал японский император Ёсихито (годы правления 1912—1924, эпоха Тайсё)⁸, и Абрикосову удалось получить пропуск на единственный поезд, специально заказанный министерством двора для доставки в столицу правительственных чиновников и придворных, бывших при императоре. Выехав из Никко вместе с ними, он прибыл в Токио вечером того же дня, затратив на дорогу в общей сложности около десяти часов (вместо обычных трех). По пути пассажиры видели множество разрушенных домов, а в одном месте им даже пришлось перебираться через реку по висящим в воздухе рельсам, так как мост, по которому они были проложены, рухнул в воду. («Я чувствовал себя героем приключенческого фильма, совершающего рискованный трюк», — пишет об этом Абрикосов (ему в ту пору было 47 лет), замечая далее, что лишь пример

пожилого министра Императорского двора графа Нобуюки Макино, проделывавшего рядом с ним то же самое, побудил его к выполнению этого «трюка»⁹).

Токио, вернее, то, что от него оставалось, все еще продолжал гореть, когда поезд прибыл на ближайшую к городу станцию, откуда уже можно было двигаться далее пешком. Подземные толчки продолжались, и первый иностранец, встреченный Абрикосовым на улице (очевидно, это был немец), смог лишь сказать в ответ на вопрос о происшедшем, что «весь Токио «капут»¹⁰. Можно представить, каково же было удивление русского дипломата, когда он добрался, наконец, до цели и обнаружил, что здание российского посольства, находившееся в ту пору неподалеку от парламента Японии, рядом с парком Хибия, устояло и в сравнении с большинством окрестных строений — почти не пострадало.

Случилось так, что направление ветра уберегло этот район от распространявшихся повсеместно пожаров, в то время как другим кварталам повезло меньше, и некоторые выгорели дотла. Так, например, полностью сгорели американское и французское посольства, а здания итальянского и английского посольств были повреждены столь сильно, что, как позднее выяснилось, стали в итоге полностью непригодны к дальнейшему использованию их по назначению¹¹. Но и в русском посольстве повреждения были значительные: центральное отопление нарушено, во многих помещениях рухнувшие трубы продавили потолки и перекрытия, окружавшая посольство стена перестала существовать. Однако при этом сохранился ряд комнат, пригодных для временного проживания (хотя боязнь повторения подземных толчков вынудила сотрудников посольства несколько дней ночевать на открытом воздухе). Ко времени возвращения Абрикосова из Никко на территории посольства уже собралась большая толпа русских эмигрантов, искавших убежища, среди которых были также архиепископ Японский Сергей и епископ Владивостокский Михаил.

Первые действия сотрудников российского посольства

6 сентября Абрикосов отправил в Париж на имя М.Н. Гирса, возглавлявшего там Совет послов¹², телеграмму следующего содержания: «Размеры бедствия колоссальны: две трети Токио, вся Иокогама превращены в груды развалин. Посольство повреждено, но уцелело, продолжает функционировать. Личный состав невредим. Консульство в Иокогаме уничтожено, легко раненые консул и секретарь спаслись на стоящих на рейде судах. Среди русских есть убитые, число коих выясняю». Через четыре дня пришел ответ: «Сердечно поздравляю всех сослуживцев счастливым спасением. Глубоко соболезную пострадавшим. Гирс»¹³.

На территории посольства его сотрудниками был организован пункт по приему и размещению беженцев, на лужайке перед зданием расстелены одеяла и разбито некое подобие «временного лагеря», до прекращения подземных толчков (любопытно, что японские слуги при посольстве и здесь стремились соблюсти официальный протокол, отводя каждому лицу место, в соответствии с занимаемым статусом)¹⁴. По городу распространялись различные слухи, в том числе о внезапно начавшихся корейских погромах (при этом корейцев обвиняли в организации поджогов в условиях паники)¹⁵, что вызвало в итоге вооружение русских сотрудников посольства, и сам Абрикосов также приобрел револьвер, который ночью клал под подушку (хотя не был уверен, что когда-нибудь реально придется им воспользоваться). Учитывая сложившуюся обстановку, а также введение в Токио военного положения, оставлять на территории посольства, лишенного к тому же внешней ограды, большое скопление людей, было теперь небезопасно, и Абрикосов в качестве официального представителя обратился за помощью в городское управление, занимавшееся временным размещением и организацией питания населения. В его последующих отчетах Совету послов в Париж специально отмечается, что местные власти, как и иностранные представители, относились ко всем запросам из

посольства исключительно доброжелательно, а посольская прислуга из числа японцев даже получала специальные продуктовые пайки от японского МИДа¹⁶.

Как только восстановилось пригородное железнодорожное сообщение, группа сотрудников посольства, сопровождаемых епископом, посетила Иокогаму (пострадавшую, как оказалось, гораздо сильнее, чем Токио), где на момент землетрясения проживала большая русская колония, и там ими была отслужена панихида по погибшим соотечественникам. Русское консульство в Иокогаме рухнуло при первом же толчке, как и находившееся неподалеку консульство США. При этом погибли все японские служащие консульства, российский консул А.К. Вильм¹⁷ чудом уцелел, будучи погребен среди развалин, получив лишь легкое ранение руки. Его коллегам из других стран повезло меньше — погибли американский и французский консулы, а всего в первые дни жертв среди иностранцев насчитывалось около 150 чел., среди них 15 русских. Впоследствии по мере получения новых данных эта цифра, т. е. число погибших российских граждан, возросла еще на 60 чел., но точно определить количество жертв невозможно, так как некоторые лица, объявленные пропавшими без вести, обнаруживались впоследствии среди эвакуированных в г. Кобе (последняя из обнаруженных на данный момент справок подобного рода датирована 20 декабря 1923 г.¹⁸, т.е. спустя почти четыре месяца после катастрофы).

«Белые» русские в Японии до и после землетрясения. Две волны эмиграции

На тот момент в Японии находились около 1000 русских беженцев¹⁹, или «белых» русских (так они зачастую именовались в документах японской администрации, полицейских донесениях и т. п.), большая часть которых проживала в районе Токио-Иокогама. Принимая во внимание, что установление официальных дипломатических отношений между Японской империей и советской Россией (к тому времени — уже СССР) произошло спустя полтора года после описываемых событий, можно утверждать, что все подданные бывшей Российской империи, находившиеся к тому моменту на территории Японии, могут быть отнесены к этой категории.

Приведенная выше цифра существенно уступает не только численности русских эмигрантов, нашедших приют в европейских странах, но и в соседнем Китае, где в одном Харбине их к началу 20-х годов насчитывалось более 100 тыс. чел. Тому были свои причины, и среди них прежде всего следует назвать географическую — островное положение Японии, облегчающее контроль за нежелательной иммиграцией в страну, а также ограничительные меры японского правительства, которое ввело в феврале 1920 г. так называемую «систему предъявления наличных денег» при условии отсутствия у въезжающих в страну иностранных граждан японского гаранта. Отныне каждый прибывающий в Японию иностранец (кроме транзитных пассажиров) должен был подтвердить таможенным властям наличие у него денежной суммы, эквивалентной не менее чем 1500 японских иен, что рассматривалось в качестве достаточного материального залога для обеспечения временного пребывания в стране. Кроме этого, по оригинальному определению Д.И. Абрикосова, «русские отчего-то чувствуют себя в Китае уютнее», чем в Японии²⁰. При этом даже те из эмигрантов, которые так или иначе сумели попасть в Японию, в большинстве своем не рассматривали ее в качестве постоянного местожительства, ожидая возможности получить разрешение на проезд в США.

В первые годы после Октябрьской революции среди русских эмигрантов в Японии преобладали лица в той или иной степени случайные, оказавшиеся без каких-либо планов длительного пребывания в этой стране, не имевшие навыков жизни и работы в культурно-чужеродной среде. Среди этих людей было много представителей региональной администрации царской России, мелких чиновников, отставных генералов, министров различных сибирских правительств и просто сбившихся с толку горожан, в панике сорвавшихся с места, повинувшись общему порыву, а затем растерявшихся в чужой азиатской стра-

не²¹. Для тех из них, кто выжил, землетрясение стало своеобразным толчком к «продолжению бегства» в Америку, Австралию и т. д., а неизбежные в этой ситуации материальные затруднения (которые и послужили для многих причиной их затянувшегося пребывания в Японии) были сняты благодаря получению разнообразной и обширной международной помощи, оказанной Японией правительствами разных стран и в первую очередь США.

Американское посольство сняло целиком «Империял отель» в центре Токио, ставший чем-то вроде штаба по сбору информации и размещению беженцев, где можно было всегда навести справки по поводу пропавших отдельных лиц; здесь же устраивались обеды для иностранных граждан, оплаченные посольством. При этом помощь американцев распространялась на всех иностранцев без исключения, не делалось никаких различий по национальности, подданству и т. д.

Абрикосов в своем подробном отчете в Париж счел необходимым специально подчеркнуть, что «при ограниченности ресурсов Русского Посольства мне за эти дни было бы гораздо труднее, если бы я не встречал со стороны Американского посольства полную готовность помочь как мне, так и каждому обращающемуся к нему русскому»²². Многие русские ходили в эти дни столоваться в «Империял отель», называя это «поесть за счет президента»²³. Были также специально арендованы океанские суда для вывоза иностранных граждан, и в их числе — русских эмигрантов. На какое-то время был ослаблен режим выдачи въездных виз, параллельно ему продолжался сбор средств в пользу тех, кто не имел возможности приобрести билеты, организовывались и другие виды помощи. При этом не обходилось без постоянно возникающих новых проблем, в первую очередь — материального характера. Министерство иностранных дел Японии с первых же дней приступило к выдаче свидетельств на выезд эмигрантов из Токио, преимущественно — в Кобе (обратно ни в Токио, ни в Иокогаму, где помимо всего прочего возникла угроза продовольственного кризиса, никого из однажды выехавших в течение какого-то времени старались не впускать), хотя при этом японские чиновники не скрывали, что наиболее желательным для них был бы не временный переезд, а окончательный отъезд русских беженцев из страны. В посольство поступали специальные обращения из министерства с просьбой вести разъяснительную работу среди эмигрантов, что отныне добывать средства к существованию им будет крайне тяжело; при этом следует специально отметить, что все перевозки до Кобе и других мест на территории Японии сушей и морем осуществлялись японскими властями бесплатно, с выдачей небольших сумм в качестве компенсаций на питание и первое время из правительственных резервов²⁴.

В мемуарах Абрикосова встречается немало критических замечаний, рисующих довольно неприглядные стороны поведения ряда его соотечественников²⁵. Так, например, когда улеглись первые волнения, среди части русской колонии вдруг поднялась волна «золотоискательства» в покинутых и разрушенных домах. Кто-то пустил слух, что некоторые русские эмигранты, особенно из числа соратников казачьего атамана Г.М. Семенова, не доверяя японским банкам, хранили у себя дома значительные запасы золота. Хотя сотрудники посольства не разделяли их уверенности, они не могли лишить этих людей временного убежища на территории посольства. Так, в течение длительного времени названные «золотоискатели», вооруженные лопатами, заступами, ежедневно покидали здание посольства рано утром и уезжали в Иокогаму, возвращаясь поздно вечером, как правило, ни с чем. Все это являло заметный контраст с японским населением, в массе своей напрочь чуждом мародерства. Кроме того, постоянно возникали разнообразные проблемы, связанные с отправкой эмигрантов из Японии. Многие совершенно потеряли голову от неожиданно вставшей перед ними долгожданной возможности уехать из страны: одни металась в поисках выбора направления, другие выдвигали неожиданные претензии по поводу смены уже определенного заранее маршрута, требуя, к примеру, чтобы их везли в Мексику через Харбин или Шанхай для встречи с

проживавшими там родственниками. Некоторые женщины, продав полученные ими бесплатно билеты, приобретали на эти деньги косметику и наряды, после чего обращались в комитет по оказанию помощи с требованием выдачи новых билетов; получив отказ, они возмущались «неджентльменством» своих собеседников, и так далее. Вся эта информация сразу же направлялась в посольство, и один из представителей иностранной колонии, ведавший вопросами эвакуации и материального обеспечения неимущих беженцев в г. Кобе, впоследствии во время личной встречи признался Абрикосову, что он «не видел в своей жизни более странных людей, чем русские»²⁶.

Следует специально отметить, что Кантоское землетрясение 1923 г., изменив на несколько лет карту расселения иностранцев на территории Японии, в значительной степени определило и последующее формирование «лица» местной русской диаспоры, ее социальный и профессиональный состав. Те немногие эмигранты, кто в итоге все же предпочел остаться в Японии, в особенности представители «второй волны» переселения, начавшейся с середины 20-х годов, во многом существенно отличались от своих предшественников. Это были люди гораздо более «земные» с преобладанием представителей средних и низших классов, среди них было много бывших колчаковских солдат, сибирских крестьян, мелких и средних торговцев, которые довольно быстро освоились на чужой земле, выучили язык и постепенно начали «отвоевывать свою нишу» в тогдашнем японском обществе. Многие из них к моменту переезда в Японию уже имели опыт эмигрантского существования в течение ряда лет в различных районах Китая или в Америке, где они научились жить, не завися от помощи местных благотворительных и иных организаций (в отличие от эмигрантов в Европе, где в большинстве стран подобная помощь им так или иначе оказывалась), что также облегчило в итоге процесс новой адаптации. Зачастую их приезд в Японию был вызван расширением деятельности местных небольших торговых компаний, в том числе и с русскими владельцами из числа давно живущих в Японии²⁷, нуждавшихся в дешевой рабочей силе. Выписанные ими из Харбина бродячие русские торговцы, ходившие затем по Японии, нагруженные разными мелкими товарами галантереи, отрезами материи и т. п., порой ставили в тупик своей деятельностью местную полицию, не готовую к появлению такого рода иностранцев, и первое время не сумевшую наладить за ними необходимую слежку. Торговля отрезами и розничной мелочью была для этих людей привычным занятием — большинство из них занимались этим еще в Китае, где торговля вразнос, по выражению исследователя истории дальневосточной эмиграции П.П.Балакшина, была в первые годы «наиболее популярным делом» среди русских беженцев²⁸.

Надо сказать, что посольство в Токио с самого начала относилось к этим русским с большой осторожностью, стараясь по возможности дистанцироваться от излишних контактов с ними; что же касается критической оценки их действий, то здесь в качестве аргумента выдвигалось соображение о том, что они «...приезжая сюда на свой риск и страх, никак не могут считаться русскими беженцами, коих судьба забросила в Японию»²⁹, и следовательно, не нуждаются в поддержке и защите со стороны посольства. Более того, те из бродячих торговцев, кто, пользуясь неискрушенностью жителей японской провинции, торговал подчас откровенно недоброкачественным товаром, пытался обмануть местные власти и т. д., по мнению Абрикосова, весьма вредили отношению администрации к прочим представителям российской диаспоры в Японии.

Организация выезда эмигрантов из Японии

Все японские и иностранные суда, находившиеся в японских портах, включая военные корабли (так, первое время японские миноносцы совершали дважды в день рейсы по маршруту Иокогама — Кобе), были мобилизованы на оказание помощи по вывозу пострадавших, в том числе людей, чьи дома были разрушены, а имущество погибло. При этом океанские суда, находившиеся

вблизи японских берегов, также отзывались со своих маршрутов. Основным пунктом, куда вывозили людей, стал г. Кобе, где исторически существовала многочисленная колония иностранцев, и местная инфраструктура позволяла разместить на некоторое время большую массу людей.

В качестве примера того, какие неожиданные при этом возникали ситуации, интересен случай, происшедший с компаньоном известного в Японии русского купца и предпринимателя, одного из основателей кондитерского производства в г. Кобе, Ф.Д. Морозова, чей эмигрантский путь с семьей из Харбина в Америку пролегал через японский порт Иокогама в августе 1923 г.

Морозов, за плечами у которого уже был шестилетний опыт жизни в эмиграции в Китае, решил переселиться в США, в г. Сиэтл, где он планировал начать новое дело вместе со своим партнером, также харбинцем. Однако будущий компаньон Морозова задержался с выездом из Иокогамы, в результате чего корабль, на котором он собирался плыть, был возвращен в Японию, где пассажиры вместе с командой приняли активное участие в ликвидации последствий землетрясения. Увиденные им разрушения, многочисленные тела жертв и т. д. настолько потрясли сознание компаньона Морозовых, что он уже по прибытии в Америку не вынес мучительных воспоминаний, покончил с собой³⁰.

Следует отметить, что подобный пример являлся далеко не единственным случаем. Согласно материалам японской прессы, приводимым Д. Поздневым в процитированной выше работе, в сентябре 1923 г. токийской полицией было зарегистрировано 56 случаев самоубийств на почве страданий, явившихся последствием катастрофы; в октябре и ноябре зарегистрировано по 66 случаев самоубийства и т. д. Из общего числа 182 самоубийства в течение первых трех месяцев 39 случаев объяснялись безумием, 34 — пессимизмом или болезнью, 34 — отчаянием от постигших людей лишений. При этом 30 % самоубийц были в возрасте 20—30 лет³¹.

Российское посольство в первые же дни выразило глубокое соболезнование правительству Японии, благодаря его за оказание помощи русским эмигрантам, лишенным в отличие от прочих иностранцев какой-либо поддержки в родине, как и возможности отправиться в Россию.

Сразу же после получения известий о происшедшей катастрофе силами иностранной колонии в Кобе был создан «Комитет по оказанию помощи», при котором специальный «Подкомитет по оказанию помощи русским беженцам»³² принял на себя решение вопросов по приему, размещению и устройству на первое время прибывавших из Токио и Иокогамы эмигрантов. В течение трех недель были созданы условия для временного проживания почти 400 чел. В Кобе, где на тот момент отсутствовал русский консул, был командирован секретарь³³ консульства в Иокогаме П.П. Боровский, которому поручили выяснить сложившееся там общее положение, чтобы затем выработать план оказания помощи «в согласии с желаниями отдельных пострадавших»; он же в дальнейшем и нес на себе основной груз решения возникающих там проблем (на первых порах для оказания помощи П.П. Боровскому был прикомандирован помощник военного атташе М.П. Подтягина подполковник Осипов, который затем вернулся в Токио) вплоть до прибытия из Фузана³⁴ (Пусана) тамошнего консула В.А. Скородумова, служившего ранее (1914—1915 гг.) также консулом в Кобе. Перед ними была поставлена главная задача — обеспечить выезд из Японии как можно большего числа русских беженцев.

Относительно сбора денежных средств на оказание помощи беженцам, как писал в своем отчете Совету послов в Париже Д.И. Абрикосов, «достигнутые результаты превзошли все ожидания». В дополнение к 30 тыс. иен, направленных посольством и отдельно — российским военным атташе на оказание немедленной помощи пострадавшим, иностранный комитет в Кобе выделил на эту же цель сначала 10 тыс. иен, потом — еще 20 тыс. иен; японское благотворительное общество в Кобе пожертвовало 20 тыс. иен на выезд русских из Японии и такую же сумму на ту же цель передал местный губернатор,

весьма заинтересованный в скорейшей отправке беженцев³⁵. Все эти деньги, исключая перечисления из посольства и отдельно — со специальных счетов от военного атташе, расходовались под строгим контролем иностранного комитета; на них русские содержались в Кобе в специально снятых помещениях и постепенно эвакуировались из Японии³⁶.

Около 50 чел. из числа русских жителей Иокогамы нашли спасение на французском пароходе «Андрэ Лебон» и выразили желание плыть во Францию. Посольство прилагало всяческие усилия к отправке их до Марселя, но получило в итоге ответ, что «по приходе в Кобе обязанности парохода в отношении дачи (*так!* — П.П.) убежища спасающимся от землетрясения оканчиваются, и пароход превращается в коммерческое предприятие, могущее перевозить людей лишь в качестве пассажиров», т.е. за плату³⁷. Правда, поскольку среди русских оказалось несколько семей известных фамилий (Толстые-Милославские, Фитингоф, Шелковниковы и др.), уже давно собиравшихся уезжать в Европу, французский посол г-н Клодель обещал Абрикосову специально запросить правительство Франции о возможности льготного получения ими виз и проезда на французских пароходах сразу же по получении через русское посольство точных списков отъезжающих. Впоследствии часть эмигрантов сумела таким образом перебраться во Францию.

Справедливо полагая, что насильственная эвакуация беженцев в Шанхай или Харбин, к чему могли бы в итоге прибегнуть японские власти, сведется для русских «к переходу из одного безвыходного положения в другое», Абрикосов начал добиваться для них права эмигрировать в Америку, куда большинство изначально стремились уехать, обойдя при этом ввиду чрезвычайности положения существующие для иностранцев квоты на въезд в США³⁸. Он, используя наряду с официальными каналами также личные связи, специально запрашивал по этому вопросу американское посольство, а также консульство в Кобе, ведавшее вопросами эвакуации. Такой же запрос был послан в министерство иностранных дел Японии в надежде, что правительство, заинтересованное в скорейшем выезде иностранцев, окажет поддержку. Речь шла о бесплатном переезде в Америку около 200 чел. русских (при общем числе пострадавших около 300 чел., по предварительной оценке Абрикосова), при том, что ежемесячная квота на русских иммигрантов (всех, включая ехавших из Европы, России и т. д.) составляла меньшую цифру³⁹. Американский посол в Токио со своей стороны обещал оказать максимально возможное содействие в решении проблемы и в присутствии Абрикосова направил соответствующие указания консулу в Кобе, ведавшему вопросами эвакуации.

Наряду со всем перечисленным существовала еще одна причина, заставлявшая Абрикосова торопиться: необходимость оказания материальной помощи жертвам землетрясения в силу своей непредвиденности и значительного масштаба требуемых средств сокращала и без того ограниченные финансовые возможности российского посольства по дальнейшему ассигнованию денег на нужды беженцев, сосредоточенных в других районах Дальнего Востока, главным образом, в Маньчжурии, Шанхае и на Корейском полуострове, приближая «момент полного окончания такой помощи»⁴⁰.

В итоге совместными усилиями иностранного комитета в Кобе и русского посольства в лице его сотрудников Д.И.Абрикосова, М.П.Подтягина, П.П.Боровского, В.А.Скородумова и др. удалось отправить из Японии более 250 русских эмигрантов, из которых большинство предпочло уехать в Америку (при этом те из эмигрантов, кто не успел или не сумел получить своевременно американскую въездную визу, направлялись в Мексику или Канаду, чтобы затем перебраться в США); около 30 чел. выехали в Европу (на оплату их переезда и ушла основная часть средств, ассигнованных посольством)⁴¹. Во время работы по оказанию помощи пострадавшим, сотрудникам посольства пришлось столкнуться с необходимостью противостоять попыткам советской пропаганды уговорить часть беженцев вернуться на родину. Некто Вознесенский⁴², в прошлом сотрудник министерства иностранных дел России, прибыв-

ший в Японию незадолго до землетрясения в качестве представителя Российского телеграфного агентства (РОСТА), каким-то образом сумел войти в состав членов «Комитета по оказанию помощи» в Кобе, где он впоследствии активно пытался убеждать эмигрантов вернуться в Россию. Эта его деятельность, однако, не встретила поддержки со стороны других членов международного комитета; в итоговом отчете числился лишь один человек, выразивший желание уехать во Владивосток. В целом, по мнению Абрикосова, большинство русских эмигрантов, переживших землетрясение, так или иначе предприняли попытки уехать из Японии в другие страны⁴³.

Новое в жизни православной колонии

Землетрясение нанесло огромный ущерб русской православной колонии в Токио и Иокогаме. Большой Токийский собор — знаменитый «Николай-до» — был почти разрушен: обвалились купол, колокольня, часть стен, уцелели лишь главные стены, при этом сгорели почти все мелкие постройки. Архиепископ японский Сергей и епископ Владивостокский Михаил, проживавшие на территории духовной миссии, первоначально нашли убежище в российском посольстве; потом их устроили у себя японские христиане. Для того чтобы отстроить собор заново, начался сбор пожертвований среди эмигрантов. Разумеется, общая малочисленность и сравнительное преобладание малоимущих лиц среди беженцев в собственно Японии не позволяли набрать сразу нужную сумму, что побудило архиепископа Токийского Сергея⁴⁴ несколько раз выезжать в Харбин для проведения там сбора средств среди местного русского населения. В итоге уже к концу 1927 г. было собрано около 100 тыс. иен — сумма, позволившая начать строительство. В ноябре 1929 г., т.е. по прошествии менее чем двух лет, уже было проведено освящение храма, фактически заново построенного. На это торжество собралась почти вся русская колония, прибыли харбинские делегаты и священники во главе с архиепископом Харбинским Нестором и архимандритом Ювеналием⁴⁵.

Собор играл одну из центральных ролей в жизни русской православной колонии в Японии, и факт его восстановления в столь быстрые сроки был очень важен. Многие русские эмигранты пели в соборном хоре, причем бесплатно (на жалованье был только регент), принимали участие в общественных сборах «на храм», «на церковную школу», проводили концерты и благотворительные спектакли в пользу церкви. Так, часто устраивались театральные постановки в Иокогаме, которая также понемногу возрождалась из развалин и отстраивалась; как правило, спектакли проводили на сцене «Гранд отеля», где большой зал позволял собрать значительную аудиторию. В Иокогаме находилось много дипломатических представительств, была большая иностранная колония, что также обеспечивало полные залы. Любопытно, что многие члены иностранных представительств дипломатического корпуса имели в то время русских жен, которые активно помогали организации и проведению благотворительных концертов, что определенным образом послужило на пользу русской колонии⁴⁶.

Вскоре после восстановления собора была выстроена школа, причем на территории соборного земельного участка, являясь таким образом непосредственно церковным имуществом.

Для поднятия духа русских беженцев, начиная с 1924 г., стали проводиться регулярные гастролы артистов русских театров из Харбина и Шанхая, а также выступления Итальянской оперы с участием русских певцов. Эти визиты всегда были большим событием для русской колонии.

Отсрочка дипломатического признания Японией СССР

Одним из неожиданных политических последствий Кантоского землетрясения можно считать вызванную им отсрочку дипломатического признания Японией советской России. Хотя формально все было готово для проведения необходимых процедур уже летом 1923 г., катастрофа и объем мер по ликвида-

ции ее последствий отодвинули на второй план стремление к дальнейшему развитию промежуточных итогов Дайренской и Чанчуньской конференций, продлив таким образом еще на два года существование старого Российского посольства. Япония даже выразила в свое время отказ от принятия помощи после землетрясения, которую, подобно другим странам, предлагало оказывать советское правительство (не исключено, что виной тому была чрезмерная классовая идеологизация большевиками этого акта): в Японию из Владивостока прибыл под красным флагом пароход «Ленин», привезший продукты в качестве знака «помощи пострадавшему японскому пролетариату от российского пролетариата», тем самым как бы подчеркивая, что речь не идет об оказании помощи населению вообще). Японские власти в итоге не допустили высадку советских представителей, вызвав тем самым волну протестов перед японским консульством во Владивостоке⁴⁷. Но уже в конце 1924 г. японский посол в Пекине К.Иосидзава встретился с советским представителем Л.Караханом, возобновив таким образом двусторонние переговоры, закончившиеся «Соглашением об установлении дипломатических отношений между Японской империей и СССР», подписанным в Пекине 20 января 1925 г.

Незадолго до этого Д.И.Абрикосов, по-прежнему исполнявший обязанности представителя Российской империи, был вызван в японский МИД, где его официально уведомили о готовящемся признании советского правительства и попросили подготовить дела к сдаче. Абрикосов, твердо стоявший на позиции непризнания легитимности советской власти, попросил разрешения передать официально здание и собственность посольства японским властям, что ему было разрешено, и провел оставшееся время за приведением в порядок архива и ликвидацией всего того, что (по его мнению) не должно было попасть в руки большевиков.

На территории Японии, а также подвластных ей в то время Кореи и части Маньчжурии помимо посольства в Токио существовали также 10 русских консульств и генеральных консульств: в Иокогаме, Кобе, Хакодате, Цуруге, Нагасаки, Дайрене, Пусане (Фузане), Сеуле, Гензане и Чондзине⁴⁸. Всем консулам было велено также передать консульское имущество местным японским властям, не вступая в контакт с советскими представителями, после чего им предлагалось на выбор остаться по месту проживания либо выехать в Америку или Европу с оплатой проезда из посольских средств. Никто из российских консулов не перешел на службу новой власти, все сохранили тем самым лояльность прежнему режиму (в мемуарах Абрикосова отмечено, как он со своей стороны был потрясен и опечален, узнав, что в отличие от российских дипломатов японские сотрудники посольства и прислуга в полном составе выразили свое желание остаться на службе и даже просили его представить их новому послу, приезжающему из СССР)⁴⁹.

Решение вопроса о статусе эмигрантов

Оставалась еще задача решить вопрос со статусом русских эмигрантов в Японии, так как существовала опасность возможного проведения в будущем их насильственной репатриации в СССР (как это неоднократно имело место в Китае⁵⁰). Положение осложнялось тем, что, принимая во внимание наличие в Японии сравнительно небольшого числа русских беженцев и отсутствие исторических традиций взаимодействия с политэмигрантами, было трудно рассчитывать на то, что японское правительство по собственной инициативе согласилось бы создать некий особый режим, регулировавший права и статус «белых» русских. Это понимал и последний официально назначенный царским правительством посол России в Японии В.Н. Крупенский, который еще в 1921 г. накануне своего отъезда из Японии передал японскому министерству иностранных дел копию памятной записки, содержавшей ряд пунктов по поводу мероприятий в отношении русских эмигрантов, в свое время разработанных лидерами русской эмиграции в Европе⁵¹. Однако ни тогда, ни в последующие

годы никаких конкретных мер с японской стороны принято не было отчасти ввиду явной неактуальности данной проблемы в глазах местных властей, а отчасти, как писал об этом Абрикосов в ответ на запрос из Парижа о судьбе эмигрантов, потому, что «вопрос этот...здесь будет зависеть всецело от того, что будет выработано в этом отношении в Европе»⁵². Большие надежды возлагались в то время на оказание эмигрантам поддержки через Лигу Наций, о чем посольство специально запрашивало Совет послов, указывая, что в противном случае русские беженцы «в случае признания державами Советской власти, остаются без всякого представительства...»⁵³

В 1922 г. в Женеве по почину верховного комиссара по делам беженцев Лиги Наций Ф.Нансена была созвана специальная конференция для решения проблемы признания статуса русских эмигрантов и выдачи им соответствующих документов для проживания в пределах европейских стран⁵⁴. Пока вопрос о статусе беженцев находился на стадии обсуждения в Европе, японское правительство не проявляло к нему особого интереса, предоставив разработку соответствующих формулировок и положений представителям тех государств, которых данная проблема затрагивала в гораздо большей степени, учитывая большое число осевших там русских и потому более заинтересованных в том или ином его разрешении. Случалось, что иногда действия властей нельзя было расценивать иначе, как прямой саботаж. Так, например, 22 февраля 1923 г. министерство иностранных дел Японии известило управляющего делами посольства России Абрикосова, что в Японии был получен запрос от генерального секретариата Лиги Наций об отношении японского правительства к вопросу о свидетельствах для русских беженцев от 11 августа 1922 г. (!), и что в настоящий момент этот вопрос обсуждается в правительстве и ответ будет «сообщен в свое время» как генеральному секретарю Лиги Наций, так и самому Абрикосову⁵⁵. Спустя некоторое время, ожидая ответ из японского МИДа, Абрикосов получил сообщение от Совета послов в Париже, что японским делегатом в Женеве было заявлено о готовности принять предложения г-на Нансена и снабжать безвозмездно русских беженцев названными свидетельствами. Он вновь обратился в министерство иностранных дел, прилагая полученную им копию текста рапорта самого Нансена, из которой недвусмысленно следовало: в Европе все считают, что Япония уже согласилась принять выработанный в Женеве порядок выдачи русским эмигрантам специальных свидетельств в случае обращения их за таковыми⁵⁶. На это ему было снова отвечено, что вопрос все еще обсуждается, причем идет опрос мнений отдельных губернаторов. Так продолжалось вплоть до конца лета 1923 г., когда последовавшая вскоре катастрофа поставила перед японским правительством иные, более актуальные для него задачи, требовавшие немедленного решения.

Очередной раз вопрос о статусе эмигрантов был поставлен уже в 1924 г., в связи с ожидавшимся вскоре признанием Японией советской власти в России. В результате переговоров с сотрудниками японского МИДа, Д.И.Абрикосов получил обещание, что статус русских «несоветских» эмигрантов будет определен как «лиц без гражданства», что в итоге позволит им находиться на территории страны постольку, поскольку они будут воздерживаться от всех видов политической деятельности, пропаганды идей «белого движения» и т. п., а также вести порядочный образ жизни, занимаясь честным трудом. На заключительной встрече Абрикосова с министром бароном К.Сидэхара 15 февраля 1925 г. глава японского МИДа еще раз заверил его в намерении оградить беженцев от возможных преследований, подчеркнув в качестве главного условия пребывания в Японии их полный отказ от антибольшевистской деятельности. Самому же Абрикосову было разрешено оставаться в Японии на аналогичных условиях на положении частного лица. Вечером того же дня он официально покинул старое Российское посольство, поставив тем самым точку в семидесятилетней истории дипломатии царской России на Дальнем Востоке. Посольство в Токио оказалось одним из последних официально действовавших зарубежных учреждений царской России.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Помещенные ниже приложения 1 и 2 составлены на основе материалов, обнаруженных автором в ходе работы с источниками, находящимися на хранении в Гуверовском Центре Стэнфордского университета, США; все данные приводятся с сохранением особенностей стиля оригинала.

1. Список лиц, погибших или без вести пропавших при землетрясении 1 сентября 1923 г.

1. Абрахманова Биби Хавер	32. Криводушева, по-видимому, приезжая. Жила в Натори отель.
2. Абрахманова Рамзея 1-летн.	33. Криводушева — маленькая девочка
3. Агафуров Нареддин Зарединович	34. Курляндская Фрида
4. Агафурова Софья Исламова	35. Ледер Нина Ивановна
5. Аитов Шаукат, 1-летн.	36. Лысова Мария
6. Афанасьева Лариса Гавриловна	37. Обедин Алексей Никифорович
7. Афанасьева Наталия, 10-летн.	38. Орделли — артист
8. Бергман, дети — Антонина	39. Павленко Иван Николаевич — артист
9. — Вера	40. Парре Лев Александрович — финляндский гражданин
10. — Раиса	41. Пивоваров Андрей
11. — Леонид	42. Попировник Иван Иванович, 12 лет
12. Блонский Иван Яковлевич	43. Прозоровская Сусанна Федоровна
13. Блонская Татьяна, внучка Гурко-Осмольяненко	44. Птицына Вера Филипповна
14. Боксер Рахиль Ильинична	45. Русин
15. Боксер Матвей, 11 мес.	46. Русина
16. Бусыгин Михаил Михайлович	47. Рыдник Софья Семеновна
17. Бусыгина Варвара Александровна	48. Свидерский Аввакум Аввакумович
18. Ваганова Биби Хадига	49. Сергеева Елена Федоровна
19. Ваганова Хаузия Хиалитдиновна	50. Сергеева Елена Николаевна
20. Ваганов Ахмет Ясовей	51. Серебренникова
21. Ванштейн Александр Иосифович	52. Ребенок
22. Ванштейн Софья Петровна	53. Ребенок
23. Виницкий Владимир Ефимович	54. Сокольников Николай Павлович
24. Власьевская Валентина Александровна	55. Стучинский
25. Власьевская Зоя, 11-летн.	56. Сурачев
26. Гафарова Мариам, 1 год	57. Сурачева
27. Гордон Клара Борисовна	58. Толстая-Милославская Татьяна Михайловна
28. Густарина Марья Дмитриевна	59. Урванцев Федот Степанович
29. Довголевич Марья Васильевна	60. Хрещатицкий Алексей, 13 лет
30. Земляков Владимир Иванович — умер и похоронен в Кобе	61. Червлянская Евгения Иосифовна
31. Кащенко Маргарита, 13 лет	62. Шитикова Тамара Александровна

2. Список лиц, получивших увечья при землетрясении 1 сентября 1923 г.

1. Ваганова Фатима — ранена в голову
2. Вильм Артур Карлович — повреждена правая рука (сломан палец. — П.П.)
3. Власьевский Лев Филиппьевич — ранена нога
4. Шер Лидия Борисовна — сломана нога
5. Шистовская — сломана нога.

Оба списка составлены в посольстве Российской империи в Токио 23 октября 1923 года и отражают информацию, имевшуюся на тот момент; более полных списков автором не обнаружено.

- ¹ В России его часто называют Токийским; в Японии же принято наименование «Кантоское землетрясение», что подчеркивает масштаб разрушений, далеко выходящих за пределы одного города Токио (Прим. авт. — П.П.).
- ² Позднеев Д. Япония: страна, население, история, политика. М., 1925. С. 334—340.
- ³ Там же. С. 333.
- ⁴ Там же. С. 334.
- ⁵ Русское посольство в Японии, подобно подавляющему большинству царских дипломатических представительств за рубежом, с самого начала не признало нового большевистского правительства и продолжило функционировать в качестве независимого органа царской России еще семь лет; в конце января 1924 г. посольство было закрыто.
- ⁶ Частично опубликованы в 1964 г. в США, под названием *Revelations of A Russian Diplomat (The Memoirs of Dmitrii I. Abrikossov)*, ed. George A. Lensen, Washington University Press, Seattle, 1964 (далее — *Revelations of a Russian Diplomat...*). Наряду с донесениями и отчетами российского посольства в Токио представляют собой ценный источник по истории русской диаспоры на Дальнем Востоке в первой половине XX в. Оригинал рукописи находится в Columbia University Library, NY (Abrikossov, D.I. *Memoirs (Manuscript)*). Автор настоящей статьи в своей работе использовал также копию рукописи, включающую ряд еще не опубликованных фрагментов.
- ⁷ *Revelations of a Russian Diplomat*, P.306—307.
- ⁸ Японский двор и представители политической элиты, спасаясь от изнуряющей жары, ежегодно выезжали на летний период в горные курорты Каруидзава (префектура Нагано) или окрестности Никко (озеро Тюендзи). Там же находились летние дачи большинства представителей иностранного дипломатического корпуса, так что Никко на летний период превращалось в некое подобие «малого Токио».
- ⁹ *Revelations of A Russian Diplomat*. P. 307.
- ¹⁰ Там же. P. 308.
- ¹¹ См. донесение Абрикосова Совету послов в Париже от 10 сентября 1923 г.
- ¹² Совет (Совещание) послов — орган, объединявший и координировавший деятельность российских дипломатических представителей в эмиграции. Создан в феврале 1921 г. под председательством М.Н.Гирса (бывший посол царского правительства в Риме, старший среди российских дипломатов, оказавшихся в эмиграции), а после его смерти (с 1932 г.), совет возглавил В.А.Маклаков (известный депутат Государственной Думы, брат министра Н.А.Маклакова, был назначен Временным правительством послом во Франции, но приступить к обязанностям не успел; после Октябрьского переворота остался в эмиграции во Франции).
- ¹³ Здесь и далее ссылки даны на архивные материалы из переписки Совета послов с российским посольством в Японии; в исследовательский оборот многие документы введены впервые. См. *Michael N. Giers' Papers; Reports of the Russian Diplomatic Representatives in Japan*, Hoover Institution Archives, Stanford University, USA. (в дальнейшем ссылки на послания Абрикосова приводятся с общим обозначением «Донесение от...»).
- ¹⁴ *Revelations of A Russian Diplomat*. P. 309.
- ¹⁵ В ходе погромов было убито также много китайцев, которых возбужденная толпа принимала за корейцев; не исключено, что это была продуманная антикорейская полицейская акция.
- ¹⁶ Донесение от 10. 9. 1923 г.
- ¹⁷ Артур Карлович Вильм — один из ветеранов российской дипломатии на Дальнем Востоке. В общей сложности пробыл несколько десятилетий на дипломатической службе в Японии и соседних странах, он прошел все этапы карьерного роста от стажера-переводчика до генерального консула.
- ¹⁸ Д.И.Абрикосов в ответ на полученный им от М.Н.Гирса запрос от 3 ноября извещает последнего о том, что «генерал Данилов во время землетрясения проживал не в Иокогаме, а в окрестностях Токио и остался жив», но спустя 2 месяца «скончался от разрыва сердца».
- ¹⁹ См.: Курата Ю. Российская эмиграция в Японии между двумя мировыми войнами: динамика, численность и состав. «Acta Slavica Iaponica». Sapporo, 1996. P.125, 131.
- ²⁰ *Revelations of A Russian Diplomat*. P. 294.
- ²¹ См.: Подалко П. Предпринимательская деятельность русских эмигрантов в Японии в 1920 — 30-х гг. Осака, 1998. С. 17—28.
- ²² Донесение от 10. 9. 1923 г.
- ²³ *Revelations of A Russian Diplomat*. P. 311.
- ²⁴ Донесение от 10. 9. 1923 г.
- ²⁵ *Revelations of A Russian Diplomat*, p.310—311.
- ²⁶ Там же. P. 311.
- ²⁷ Абрикосов называет их «несолидными русскими предприятиями». Донесение от 12.1.1924 г.
- ²⁸ Балакшин П.П. Финал в Китае. Сан-Франциско, 1958—1959 гг. Т. 1. С. 330.
- ²⁹ Донесение от 12. 1. 1924 г.
- ³⁰ Сведения получены автором в ходе бесед с сыном Морозова, В.Ф. Морозовым (1911—1999), бывшим также одним из очевидцев описываемых событий. См.: К.Кавамата. Тайсл 15-нэн но сэй-валентайн, РНР, 1984 г. С. 48.
- ³¹ Позднеев. Япония... С. 337—338.
- ³² Возглавил его «капитан Джемс», он же David H. James, известный в Кобе бизнесмен, представитель английской торговой компании, игравший весьма заметную роль в жизни иностранной колонии Кобе.
- ³³ По другим источникам — вице-консул. Во время землетрясения он успел выскочить из окна и таким образом спастись.

- ³⁴ В настоящее время — город Пусан, Республика Корея.
- ³⁵ Курс иены в то время равнялся: 1 иена = 0,8 дол. США.
- ³⁶ Донесение от 10.9.1923 г.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Многих русских эмигрантов землетрясение буквально застало «на чемоданах» в ожидании своей очереди на отъезд в США.
- ³⁹ Донесение от 25.7.1924 г. В 1921 г. правительство США впервые ввело годовые квоты на въезд иммигрантов, что больно ударило по надеждам многих российских беженцев.
- ⁴⁰ В начале 1920-х годов посольство в Токио являлось крупнейшим «донором» для российской диаспоры в Азии.
- ⁴¹ Донесение от 12.1.1924 г.
- ⁴² Донесение от 9.11.1923 г.
- ⁴³ Донесение от 12.1.1924 г.
- ⁴⁴ Архиепископ Сергей (Тихомиров), ректор Петербургской Духовной академии, в Японию прибыл летом 1908 г., первоначально — епископ Киотоский. В качестве архиепископа являлся преемником знаменитого Николая Японского (Касаткина), скончавшегося в 1912 г.
- ⁴⁵ Наумов В.М. Мои воспоминания. Сан-Франциско, 1975. С. 50.
- ⁴⁶ Там же. С. 52—53.
- ⁴⁷ Донесение от 28.9.1923 г.
- ⁴⁸ См. Lensen, George A. *Russian Diplomatic and Consular Officials in East Asia (1858—1968)*. Токио, Sophia University Press, 1968.
- ⁴⁹ Разумеется, последняя просьба не выполнена. (См. *Revelations of A Russian Diplomat*. P. 317—318).
- ⁵⁰ Балакшин П.П. Финал в Китае. Т. 1. С. 101—103.
- ⁵¹ Донесение от 7.4.1922 г.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Там же. Донесение от 16.4.1923 г.
- ⁵⁴ Известны впоследствии как «нансеновские паспорта».
- ⁵⁵ Министерство явно не торопилось с решением указанного вопроса.
- ⁵⁶ Донесение от 16.4.1923 г.

SUMMARY: The article «The Great Tokyo Earthquake and its Influence on the Fate of the Russian Diaspora in Japan» by Master of Arts of Osaka University P. Podalko focuses on the Great Kanto earthquake, which occurred on September 1st, 1923, and on its influence on the fate of Russian Emigrants in Japan. After the February and October Revolutions of 1917, many Russians from different social strata came to the Far East to escape from the horrors of the Bolshevik regime. Most of them planned to go to America or Europe, but they could not fulfil that dream because of financial problems and visa restrictions. Those so-called «White Russians» were also unable to return to their homeland, and could only rely on good will of the international community. The earthquake caused enormous damages and loss of life, but the measures by the Japanese government as well as the foreign aid given then to Japan from all over the world finally gave a chance to Russian refugees to leave Japan.

Many Russians were first sent to Kobe, where they were hosted by the foreign community of that city, famous for its «international spirit» since the days of the Foreign Settlement of the Meiji Era. The «Kobe Foreign Relief Committee» played an important role in arranging temporary housing for those Russians who could not leave Japan immediately.

Special attention is paid to the difference between the first and second «waves» of Russian emigration to Japan, which were marked by the Earthquake. Almost all of the Russians, who outlived the disaster, later tried to move to the other countries; those who came to Japan after 1923 mostly stayed there for a while and started «a new life in a new place». They were quite different from their predecessors, both socially and mentally. The Great Tokyo Earthquake played an important role in changing the «face» and characteristics of the phenomenon of Russia emigration to the East.

The research is based on numerous materials, primarily unpublished, including official reports and the other papers of the «Old» Russian Embassy in Japan, private letters and memoirs of the late Dmitrii I. Abrikossow, who served at that time as the last official representative of Tsarist Russia in Japan.